

УДК 1; 316.7; 929
DOI 10.23683/2227-8656.2018.4.20

**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
БИОГРАФИИ
В.А. ЗАКРУТКИНА
В ГОД ЕГО
110-ЛЕТИЯ**

**NOTES IN THE MARGIN
OF V.A. ZAKRUTKIN'S
BIOGRAPHY
IN THE YEAR OF HIS
110TH BIRTHDAY**

Суркова Любовь Александровна

Кандидат философских наук,
заслуженный работник культуры РФ,
редактор студии телевидения
ГТРК «Дон-ТР»,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: surkova@dontr.ru

Lyubov A. Surkova

Candidate of Philosophical Sciences,
Honored Worker of Culture
of the Russian Federation,
Editor of the TV studio "Don-TR",
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: surkova@dontr.ru

Статья посвящена 110-летию известного русского и советского писателя В.А. Закруткина. В статье, опираясь на биографию, написанную самим литератором – «От земли к земле», сделана попытка обозначить влияние личности и творчества А.С. Пушкина на судьбу писателя. Рассмотрены факты – Пушкин называл подобное «странными сближениями» – сыгравшие важную роль в жизни В.А. Закруткина.

The article is dedicated to the 110th anniversary of the well-known Russian and Soviet writer V.A. Zakrutkin. In the article, based on a biography written by the writer himself - "From Land to Land", an attempt to identify the influence of the personality and creativity of A.S. Pushkin on the fate of the writer is made. Some facts are considered. Pushkin called it "strange encounters", that played an important role in VA. Zakrutkin's life.

Ключевые слова: В.А. Закруткин; А.С. Пушкин; биография; судьба; творчество; фронтовик; донской писатель.

Keywords: V.A. Zakrutkin; A.S. Pushkin; biography; fate; creative activities; front-line soldier; Don writer.

Виталий Александрович Закруткин позаботился о том, чтобы избавить потомков от поисков его биографических фактов. Свою историю «От земли к земле» он рассказал сам, за семь лет до смерти.

Спустя три с лишним десятилетия после земной жизни писателя, когда уже известно многое, о чем он знать не мог, нельзя не заметить целую серию случайностей, определивших его судьбу.

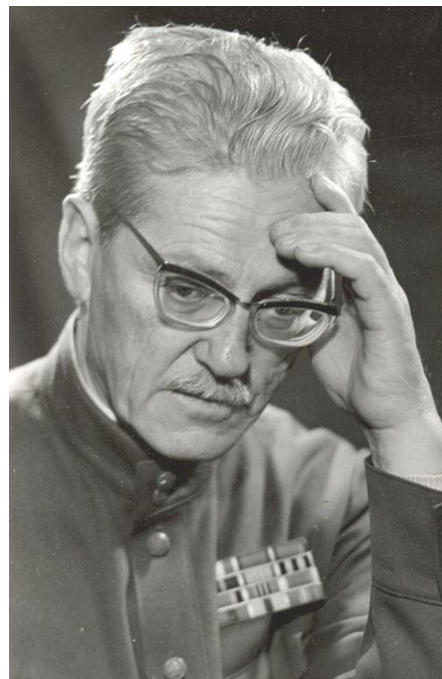
Поэты и ученые давно обратили внимание на этот парадокс. Александр Сергеевич Пушкин называл это «странными сближениями» (Пушкин, 1937. С. 188). Исследователи говорят об особых закономерностях случайных процессов.

«Подобно тому как в горах падение ничтожного по массе камушка может вызвать лавинообразный рост обвала, отдельный факт, меняя ситуацию и создавая новую, в свете которой он уже перестает выглядеть случайностью, может породить исключительно мощный резонанс... Случайное в отношении к будущему выступает как исходная точка закономерной цепи последствий, а в отношении к прошлому ретроспективно осмысливается как провиденциально-неизбежное» (Лотман, 2002. С. 132–133).

Как правило, на Дону Закруткина называют земляком, однако в марте 1908 г. он родился не в здешних краях, а в Феодосии в семье потомственных учителей. В 1915 г. мальчик заболел, и так случилось, что долечиваться его отправили в Тамань к деду и бабке.

«Дед Николай Константинович, седой, голубоглазый старик с осипшим от непрерывного курения басом, был заядлым охотником и рыболовом. Кроме своего постоянного спутника, черного спокойного пуделя, который сопровождал хозяина даже к церкви, дед стал брать с собой и меня. Мы ловили с ним бычков, на захудалом катеришке уезжали на косу Чушка, где дед постреливал уток, перемежая выстрелы чаркой водки и постоянными рассказами о повадках птиц и рыб, о лекарственных травах...

Вспоминая сейчас годы своего детства, я думаю, что именно дед вдохнул тогда в мою душу страсть к охоте, к рыбной ловле и – самое главное – неизбывную любовь к природе, ко всему живому» (Закруткин, 2008. С. 8).

Позднее, в годы суровой и не очень сытой юности, будущий писатель не только рыбачил и охотился, но и работал в поле, ухаживал за лошадьми. Когда отца перевели на Дальний Восток, семья отправилась в долгий путь. И тут снова произошла случайность.

«Москва оглушила нас шумом... гудками автомобилей, криками извозчиков, несметными толпами людей. На Ярославском вокзале нам удалось взять билеты до станции Завитая Уссурийской железной дороги... Устроив мать и сестру в зале ожидания... мы с Ростиславом рискнули посмотреть центр Москвы... Вдруг в одной из книжных лавок я увидел роскошное, в тисненном золотом переплете, шеститомное собрание сочинений Пушкина. Это было известное в своё время издание Брокгауза – Эфрона... Сердце мое дрогнуло... Мы с братом испуганно переглянулись – цена была сумасшедшая. Но я справился с волнением и довольно бодро сказал: “Получите деньги и свяжите, пожалуйста”... Забегая вперёд, я хочу сказать, что купленные нами сочинения... стали для нас с братом предопределением, знаком судьбы» (Закруткин, 2008. С. 17–18).

Виталий Закруткин родился в обычный весенний день – 27 марта. Случайно или нет, но со второй половины XX в. 27 марта отмечают Всемирный день театра.

На Дальнем Востоке молодому учителю довелось стать и режиссером, и драматургом.

«Вскоре после нашего приезда в Завитую мне и моим новым друзьям удалось сколотить большую группу любителей, которую мы вначале скромно именовали драмкружком, а потом по праву стали называть Завитинским драмколлективом. В группу вошли учителя, телеграфисты, агрономы, работники военкомата, райкома комсомола, машинисты и кочегары железной дороги, домашние хозяйки. Меня как одного из наиболее активных “учредителей” единодушно избрали художественным руководителем и главным режиссером труппы... Районные руководители... стали выделять деньги на декорации, костюмы, грим. Потом мы перешли на “самоокупаемость”, стали ставить платные спектакли на разных станциях, у кивдинских шахтеров, в лесхозах, в таежных поселках. Дело было поставлено хорошо: афиши и программы печатались в типографии, все роли заучивались назубок, декорациями и реквизитом ведали живописцы-любители, появился у нас и оркестр» (Закруткин, 2008. С. 20–21).

Но все-таки Пушкин уже вошел в судьбу. Тема дипломной работы Закруткина в Благовещенском педагогическом институте – «Творчество Пушкина и наша современность». В аспирантуре Ленинград-

ского педагогического института им. А.И. Герцена он продолжил исследовать творчество поэта.

Именно Александр Сергеевич «познакомил» молодого ученого с Серафимовичем и привел к главному человеку в его жизни – Шолохову.

«Летом 1935 года я побывал в станице Усть-Медведицкой на Дону, куда был переведен мой отец. Там, в Усть-Медведицкой, мне повезло познакомиться с А.С. Серафимовичем... Неожиданно для меня Александр Серафимович пришел в летний театр послушать лекцию о Пушкине. Нужно ли говорить о том, с каким волнением и с каким подъемом рассказывал я в этот вечер о великом поэте, который стал моей судьбой... А.С. Серафимовичу лекция очень понравилась.

Он пришел за кулисы, обнял меня, пригласил к себе и предложил в одно из воскресений вместе с ним рассказать станичникам о Горьком...» (Закруткин, 2008. С. 23–24).

Этим же летом в жизни молодого ученого произошла еще одна незабываемая встреча.

«Шолохова мне впервые довелось увидеть в 1935 году в Вешенской, куда я приехал с письмом Серафимовича» (Закруткин, 2008. С. 34).

В Доме-музее В.А. Закруткина в станице Кочетовской хранится вырезка из старой газеты «Молот»: «Доклад, скорее носивший характер лекции, о творчестве великого русского писателя, 100-летие со дня смерти которого страна будет отмечать в 1937 году, прочел аспирант Ленинградского института имени Герцена, молодой Закруткин В.А. Двухчасовой доклад товарища Закруткина о Пушкине выслушан городскими коммунистами с огромным удовлетворением!»

Нашим земляком Виталий Закруткин стал только в 1936 г. И снова не без помощи Пушкина.

«В июне 1936 года я защитил диссертацию. Она была единогласно утверждена. Мне были присвоены ученая степень кандидата филологических наук по русской литературе и звание доцента. Этим же летом нарком просвещения А.С. Бубнов направил меня заведующим кафедрой русской литературы в Ростовский-на-Дону педагогический институт» (Закруткин, 2008. С. 23).

Закруткин приехал в Ростов в знаковый момент. «Шел 1937 год. Вся страна собиралась отметить столетие со дня смерти Пушкина. Не остался в стороне и Ростовский педагогический институт. В то время Ростов был центром сначала Азово-Черноморского, а потом Северо-Кавказского края. По моей просьбе краевое начальство выделило для пушкинских празднеств большую сумму денег. Меня командировали в Москву и Ленинград, где я достал сотни интересных гравюр, портре-

тов, фотокопий, рукописей, заказал картины на пушкинские темы. Для подготовки выставки был мобилизован весь факультет языка и литературы. Выставка, по единодушным отзывам посетителей, получилась отличной. Она занимала много институтских комнат и обширнейший актовый зал. По всему городу, в станицах и селах читались сотни лекций о Пушкине, была созвана научная конференция, изданы «Ученые записки», посвященные поэту...» (Закруткин, 2008. С. 24–25).

И снова, как сформулировал Пушкин, «произошло странное сближение». Именно в это время в Ростове появился новый театр. «В довоенном Ростове ключом кипела театральная жизнь, и я, вспоминая свой дальневосточный драмколлектив, самое горячее участие принимал в работе театра под руководством Ю.А. Завадского: печатал рецензии на спектакли, выступал в дискуссиях и в обсуждениях пьес, писал для театра инсценировки по произведениям Пушкина и Лермонтова, встречался с актерами. Запомнилась мне долгая работа с прекрасным артистом Николаем Дмитриевичем Мордвиновым, когда он готовился к чтению лермонтовской поэмы «Демон». Бывало, мы с ним просиживали ночи, уточняя каждый оттенок глубокой и горькой мысли поэта, интонации, ритм, все, что, с нашей точки зрения, должно было наиболее полно раскрыть гениальное творение Лермонтова» (Закруткин, 2008. С. 26).

Казалось бы, счастливое время. Однако 1937 г. остался в истории страны не только годом памяти великого поэта.

В своей биографической книге Закруткин не вспоминает о беде, которая едва не перечеркнула его жизнь. Близкие говорят, что он вообще не возвращался к этой теме. Только однажды в книге «Цвет лазоревый» вдруг несколько строк: «Летом 1939 года, после шестнадцатимесячного заключения, я тоже был освобожден без суда, так как следствие установило мою полную невиновность» (Закруткин, 1965. С. 29).

Уже в XXI в. при работе над фильмом «Конспект сотворения мира» удалось разыскать и донос, и сфабрикованное дело. Сюжет вечный – зависть и коварство. Опять по Пушкину.

В 1939 г., вернувшись в институт, Закруткин с головой ушел в работу. «Лекции в пединституте и университете, публичные лекции в городе и районах, работа над очередной книгой, встречи в театре и горячие споры, частые выступления в газетах и журналах – так складывалась моя жизнь в Ростове...» (Закруткин, 2008. С. 26).

Весной 1941 г. вышла в свет книга В. Закруткина «Пушкин и Лермонтов», куда, кроме диссертации о поэме «Братья-разбойники», были включены исследование о незавершенных замыслах Пушкина в

Кишиневе, а также застенографированный студентами специальный курс лекций о Лермонтове. Казалось бы, судьба ученого определена, будущее понятно, но...

«В первые же дни войны, когда группа ростовских писателей отправлялась на фронт, я ежедневно обивал пороги военкоматов, военного совета СКВО и других организаций с просьбой, чтобы меня отправили с уходящими на фронт товарищами. Наконец после того, как в Кировском райвоенкомате города Ростова я демонстративно порвал выданную мне бронь научного работника, военком товарищ Корец молча пожал плечами и выписал мне направление в 56-ю действующую армию» (Закруткин, 2008. С. 26).

Писатель Анатолий Калинин, который подружился с Закруткиным в годы войны, вспоминал в фильме «Конспект сотворения мира»: «Фронтовые писатели не такое частое явление на войне. Он служил в 56-й армии в штатной должности писателя. И он все хотел видеть сам».

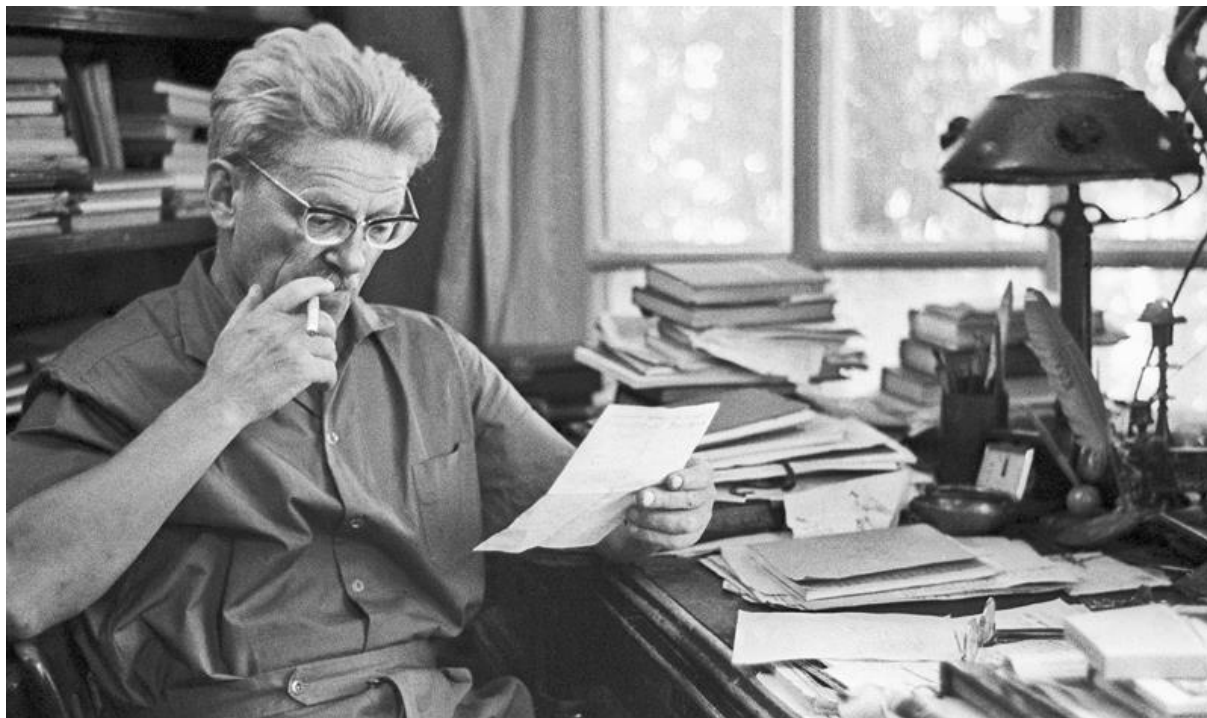
Из этого времени еще одна случайность.

«В ночь с 21 на 22 июля 1942 года, когда ростовский оборонительный обвод был прорван гитлеровскими войсками, я прискакал верхом в город и заглянул на прощание в свой обезлюдевший дом на улице Максима Горького. Войдя в квартиру, я зажег свечу... Стоя у полок, я поглаживал ладонью кожаные корешки переплетов. Когда побежал по руке растопившийся воск, я поднес свечу к книгам, чтобы поджечь их. Но это оказалось свыше моих сил. Растерянно оглядываясь, я взял с письменного стола маленький бронзовый бюст Толстого, сунул его в вещевой мешок, погасил свечу и вышел» (Закруткин, 1970. С. 5).

Позже на полу разрушенной школы близ Майкопа Закруткин подобрал четвертую книгу «Тихого Дона», и она соседствовала с бюстом Толстого в его вещмешке.

О событиях с августа 1942 по февраль 1943 г. он рассказал в своей книге «Кавказские записки».

«Вспоминая кавказскую осень 42-го года, тяжёлые кровопролитные бои, всё то, что совершили наши люди в предгорьях Кавказа, я как будто снова переживаю эти дни. Вижу пылающие леса, шумные реки, по которым плывут трупы, спотыкающихся на камнях лошадей, угрюмых пленных. Я слышу неумолчный грохот пушек, могучее горное эхо, треск ломающихся деревьев. Сколько тягот перенесли наши войны под Новороссийском, под Крымском, у Горячего Ключа и Волчьих ворот, под Туапсе и дальше на перевалах, на Тереке!» (Закруткин, 1970. С. 116).

«Кавказские записки» – это не военно-исторический труд и не специальное исследование Кавказской битвы. Это рассказ о том, что видел сам автор, побывавший, зачастую верхом, на основных участках тысячекилометрового кавказского фронта.

«Нам не даёт покоя Сталинград... знаем, что там сейчас решаются судьбы нашего государства, исход войны, жизнь и счастье наших семей. И нам всем кажется, что мы тут делаем не всё что надо, что у нас происходит какая-то заминка, какая-то остановка, то, что в штабах обычно называют “оперативной паузой”. Мы еще не поняли того, что эта “пауза” больно ударила по фашистам, которые остановлены нами в предгорьях и тщетно рвутся вперед, мы не представляем того, что на горно-лесистом участке фронта протяженностью в двести километров трудно сразу перейти от обороны к наступлению. Мы хотим победы. Мы хотим, чтобы страна узнала по сводкам Информбюро о наших успехах, чтобы сталинградцы тоже узнали об этом, чтобы наши товарищи по фронту, которые на Тереке сдерживают всю танковую армию Клейста, гордились нами, как мы гордимся ими. Поэтому мы хотим не перестрелки в лесах, не “промысла” снайперов, а боевых успехов, о которых не стыдно было бы сказать всему народу» (Закруткин, 1970. С. 104).

Анатолий Калинин рассказывал, что Юрий Бондарев, который сам командовал артиллерийской батареей, «Кавказские записки» За-

круткина поставил в один ряд с «Севастопольскими рассказами» Льва Толстого.

Фронтовые дороги привели его в Берлин. Писатель-фронтовик Петр Лебедеко вспоминал: «Он был майором, и когда было наступление наше... убивают командира батальона и Виталий принимает на себя командование батальоном! И операция успешно заканчивается. Ему маршал Жуков вручает орден Красного Знамени! И даже он так сказал: “Я, говорит, желаю, Виталий Александрович, чтобы у вас в литературе были такие же успехи, как здесь на фронте!”» (Документальный фильм ... , 2008).

В 1945 г. В. Закруткин был заочно принят в члены Союза писателей СССР, поскольку после взятия Берлина с 43-м стрелковым корпусом 1-го Украинского фронта он участвовал в ликвидации последней группы гитлеровских войск фельдмаршала Шернера и в освобождении Праги.

Вернувшись в разрушенный Ростов, майор Закруткин начал читать студентам спецкурс по творчеству Льва Толстого.

«С большим трудом добывал я первое считавшееся тогда полным собрание сочинений Л. Толстого, перечитывал том за томом потрясающие дневники, письма, записные книжки и с каждым днем все больше понимал, что я, именуемый кандидатом наук и доцентом, не знаю самого великого из великих художников, что передо мной чудо, сотворенное человеком-гением, поднимающим тебя на такую головокружительную высоту, что ты вдруг начинаешь видеть всех людей на земле, их поиски правды и счастья, их заблуждения, страдания их и ошибки... Толстому более чем кому-либо другому я обязан и своим отношением к живой природе» (Закруткин, 2008. С. 31–32).

Вероятно, Закруткин уже понимал, что, пройдя войну, не сможет вернуться к научной работе, к чужим пожелтевшим от времени рукописям, к докторской диссертации. Начиналась иная жизнь. Но прежние связи не так просто разорвать.

В фондах Донской публичной библиотеки хранится маленькая книжица 1947 г. издания «Народные театры на Дону», где впервые представлены материалы экспедиции В. Головачева и Б. Лащилина. Подробную вступительную статью к этому уникальному изданию написал майор Закруткин.

«И если строгий ценитель не обнаружит в этих записках технического совершенства, то он будет удовлетворен тем, что наши собиратели впервые попытались дать более или менее полный свод основных жанров казачьего народного театра – от героической драмы “Сте-

пан Разин” до маленькой шутки – фарса “О Чигуше – Чиге”» (Народные театры ... , 1947. С. 34).

Театр Закруткина по-прежнему не отпускал, а театральность была присуща ему до конца жизни.

«До войны Виталий Закруткин, доцент Педагогического института, ходил в модном костюме с тростью с серебряным набалдашником, а во время войны, надев гимнастерку, сразу превратился в гусара. Отпустил усы, обзавелся маузером... Поселившись в казачьей станице, бывший доцент уже навсегда превратился в бывшего майора, носил френч или гимнастерку и... по привычке покручивал седеющие усы – память о фронте» (Калинин, 2012. С. 15).

Речь о том, что в 1947 г. Закруткин навсегда простился с городом.

«Кочетовский колхоз “Победа” Семикаракорского района Ростовской области выделил мне хороший приусадебный участок на берегу Дона... Итак, мечта моя исполнилась: выросший на земле, я через много лет снова вернулся к полям, к лугам, к лесам, мог распределять рабочие часы по своему усмотрению – вставать на рассвете, бродить по берегу реки, садиться за письменный стол, отдыхать на охоте и рыбной ловле» (Закруткин, 2008. С. 32).

Теперь он жил на берегу Дона, как Шолохов, как его фронтовой друг Калинин.

«Поселившись после войны по соседству, мы часто бывали друг у друга; Закруткин великолепно пел на свой мотив песню на слова Бориса Пастернака (а точнее, на слова грузинского поэта Бараташвили в переводе Пастернака) «Цвет небесный, синий цвет», с блеском читал стихи Гумилева, поэму «Черный человек» Сергея Есенина. Вообще он, что называется, был эрудитом. И на фронте он был верным другом...

наши встречи были продолжением тех бесед, которые начинались еще у подножия Кавказского хребта в Пятом Донском казачьем кавкорпусе.

*На тризне памяти военной
Не самый главный эпизод
В ряду особо несравненных*

*Вдруг душу всю перевернет,
С неотразимостью экранной
Взойдет, как месяц над рекой,
Твой лик с наигранностью странной
В очках с оправой золотой.
Потрогав маузер небрежно,
Налив трофейного в бокал,
За милых женщин неизбежно
Ты первый мост провозглашал.
Чего б теперь мы не отдали,
Каких не сняли б с неба звезд
За то, чтоб с теми, с кем пивали,
Распитъ банальный этот мост» (Калинин, 2012. С. 16).*

Закруткин приехал на берег Дона не как дачник.

«В Кочетовской были тогда два колхоза – полеводческий и рыболовецкий. Оба работали неважно, полагаясь на сегодняшний день. Если у полеводов не хватало техники, удобрений, а подчас им мешали весенние разливы Дона и Донца, то рыбаки, выполняя начертанный где-то наверху план и стараясь обязательно его перевыполнить, хозяйничали на реках хищнически, не считаясь ни со сроками лова, ни с размерами вылавливаемой молодежи, загребали все, что попадало в сети.

Вскоре после моего приезда станичники избрали меня депутатом местного совета, районного, областного. С каждым днем я все больше интересовался работой колхозов, часто бывал в полеводческих бригадах, на виноградниках, на рыбацких тонях, стал присматриваться к людям, по вечерам беседовал со стариками» (Закруткин, 2008. С. 32–33).

Роман «Плавучая станица», написанный Закруткиным на третьем году деревенской жизни, был удостоен Государственной премии СССР. Он многократно переиздавался, был переведен почти на все европейские языки.

«От читателей я получил сотни писем, в числе которых было большое интересное письмо... из приморского города Саутпорта, близ Ливерпуля. Тесно связанные с рыбаками, английские товарищи писали мне о том, что они коллективно обсуждали “Плавучую станицу”, что книга им очень понравилась и что натолкнула их на мысль помочь нищенствующим рыбакам возродить промысел креветок... министр рыбной промышленности СССР специальной директивой приказал всем инспекциям рыбоохраны страны прочитать роман и сделать практические выводы по вверенным им водоемам. Рыбаки Байкала организовали десятки конференций по “Плавучей станице”, предложили

принять ряд мер по охране уникальных рыбных запасов знаменитого озера» (Закруткин, 2008. С. 33).

Здесь, в старой казачьей станице, Закруткин написал книги, по которым его знает весь читающий мир: «Слово о бессловесном», «Подсолнух», «Матерь человеческая», «Сотворение мира».

Но не только творчество – станичники до сих пор с благодарностью вспоминают писателя, который помог построить школу, клуб, поддерживал совхоз, защищал природу во времена, когда еще никто не знал слова «экология».

Михаил Александрович Шолохов, с которым в эти годы Закруткина снова свела судьба, сказал о нем: «Виталий Закруткин – талантливый писатель, замечательный парень, человек нелегкой жизни, человек крепкий и живет в нашей литературе по-настоящему»

(Библиотека им. Шолохова, 2009. С. 69).

Умер Виталий Закруткин осенью 1984 г., через полгода после смерти Шолохова. И тоже похоронен во дворе усадьбы.

Сегодня в его любимом доме – музей. В кабинете на письменном столе стоит тот самый бюст Льва Толстого.

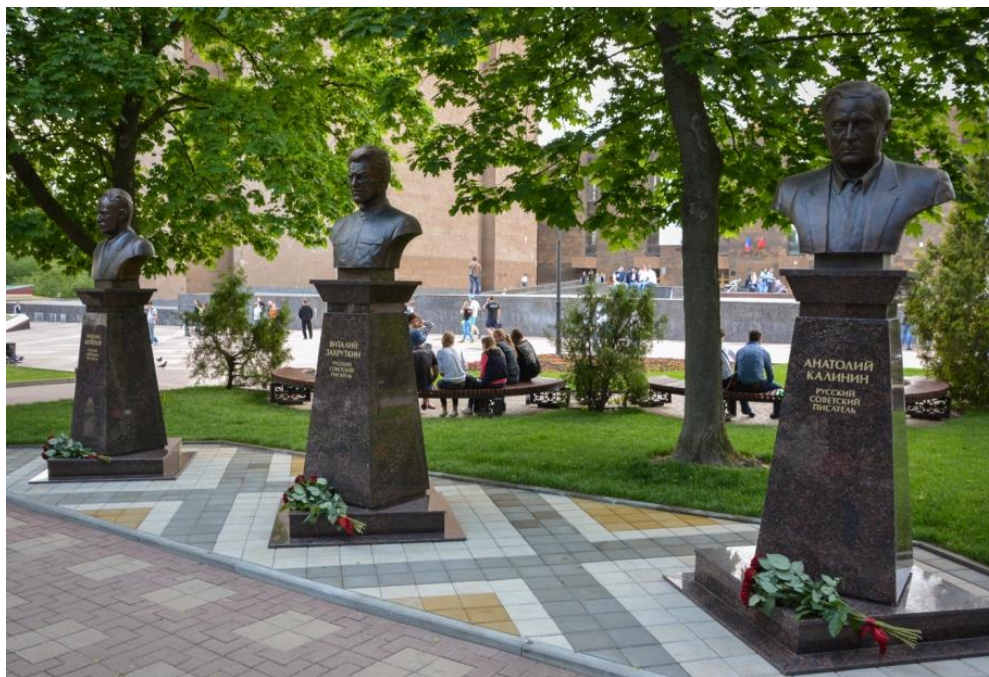
В 1986 г. в станицу приехала пожилая женщина, она передала музею потрепанную книгу Закруткина «Пушкин и Лермонтов» 1941 г. издания. В ней есть запись: «Эту книгу я читала и перечитывала в тяжелые, мрачные дни оккупации. Читали, обсуждали вместе с подругами.

Она светила нам, поддерживала веру в непобедимость нашего русского, советского, звала к борьбе за Родину. И мы боролись как могли. Потом я ушла на фронт. Евдокия Лобко, участница Великой Отечественной войны, 10 апреля 1986 года».

В городе Горячий Ключ именем Закруткина назвали улицу. Оказалось, что она пересекается с улицей Пушкина.

В Ростовском академическом театре драмы имени Горького идет спектакль по повести Закруткина «Матерь человеческая».

На улице Пушкинской в Ростове-на-Дону теперь стоят бюсты трех донских писателей – Шолохова, Калинина, Закруткина.

Эпиграфом к роману «Сотворение мира», над которым Закруткин работал почти тридцать лет, он, называвший себя «неисправимым реалистом», взял цитату из Пророческой книги святого апостола Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откровения XI,1). Еще один парадокс или «странное сближение»!

Литература

Библиотека им. Шолохова. Книги с автографами. Ростов н/Д.: Омега Паблшер, 2009.

Документальный фильм «Конспект сотворения мира». ГТРК «Дон-ТР», 2008. (автор сценария Л. Суркова).

Закруткин В.А. Кавказские записки. Ростов н/Д.: Рост. книжн. изд-во, 1970.

Закруткин В.А. От земли к земле. Ростов н/Д., 2008. Т. 1.

Закруткин В.А. Цвет лазоревый. Страницы о Михаиле Шолохове. Ростов н/Д.: Рост. книжн. изд-во, 1965.

Калинин А.В. Однажды в разговоре. Ростов н/Д., 2012.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.

References

Library them. Sholokhov. Books with autographs (2009). Rostov-on-Don: Omega Publisher. (in Russian).

Documentary film “The Synopsis of Creation” (2008). GTRK “Don-TR” (scriptwriter L. Surkova).

Zakrutkin, V.A. (1970). Caucasian notes. Rostov-on-Don: Rostov book publishing house. (in Russian).

Zakrutkin, V.A. (2008). From earth to earth. Rostov-on-Don, Vol. 1. (in Russian).

Zakrutkin, V.A. (1965). The color is azure. Pages about Mikhail Sholokhov. Rostov-on-Don: Rostov book publishing house. (in Russian).

Kalinin, A.V. (2012). Once in a conversation. Rostov-on-Don. (in Russian).

Lotman, Yu.M. (2002). History and typology of Russian culture. SPb.: Art-SPB. (in Russian).

Народные театры на Дону. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1947.

Пушкин А.С. Собр. соч. : в 16 т. М. : Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 11.

People's theaters on the Don. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1947. (in Russian).

Pushkin, A.S. (1937-1949) Collected works in 16 volumes. Vol. 11. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Поступила в редакцию

21 июня 2018 г.